

«Смерть» в словаре и языковом сознании

Лексическое значение слов на протяжении длительного времени остается неизменным, в то время как личностные смыслы, т.е. значения «для меня», имеют тенденцию к большей динамике в зависимости от экстралингвистических факторов. Неслучайно тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит, отмечается почти всеми лингвистами. Справедливым является утверждение А.Вежицкой о том, что связь, которая «относится к материальной культуре и к общественным ритуалам и установлениям, относится также к ценностям, идеалам и установкам людей и к тому, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире» [2001: 15]. Именно под влиянием экстралингвистических факторов в языковом сознании носителей русского языка происходит формирование личностных смыслов, в результате чего лексические значения подвергаются трансформации, либо расширяясь, либо сужаясь в своем объеме.

Проиллюстрируем это утверждение. Лексическое значение слова *смерть* в разных словарях толкуется по сути одинаково: «конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умиранье» (СД); «прекращение жизни» (СО); «прекращение существования человека, животного, гибель» (УССС); «окончание жизни кого-л.» (НОСС). В языковом сознании русских людей понимание смерти не столь однообразно.

Церковь трактует смерть как «христианскую кончину, мирную, безболезненную и непостыдную». Конец земной жизни – это лишь этап, после которого душа человека попадает либо в рай, либо в ад. Вопросы жизни и смерти находятся в ведении Бога. Эта точка зрения отражена и во фразеологии, так про смерть ребенка говорят: *Бог дал, Бог и взял*. Когда умирает взрослый, то говорят: *отдал Богу душу, отошел в лучший мир, его Бог прибрал*.

Носителями русского языка смерть может рассматриваться не только как логическое завершение жизни, но и как избавление от мук: *«смерть положила конец страданиям»* (УССС), про умершего человека, который долго болел, обычно говорят, что

он отмучился. По данным Л.Г.Гынгазовой, описывающей конкретную языковую личность диалектоносителя, «если жизнь в сознании ЯЛ ассоциируется с движением, <...> то смерть – это покой, отдых от жизни, наполненной тяжёлым трудом (отметим внутреннюю форму слова *покойник*, а также прямые высказывания ЯЛ: *Отдохну, когда умру; “Умер да и лежал бы, никому не мешал, не досажал”*). Кстати, представления о смерти как покое, отсутствии движения сближают в концептосфере ЯЛ понятия пространства “смерть” и “сон”: *Спала, как уб’ита; Котору ночь прямо сплю, как проп’аишиа; Надо же, как убита уснула; Ой, сразу уснула, как проп’аишиа; И она умерла, так уснула, уснула и не пробудилась»* [Гынгазова 2003]. В советские атеистические времена, когда существование Бога официально опровергалось, актуализировалась персонификация *смерти*. В связи с этим интересными кажутся наблюдения Е.В.Дзюбы над поэзией М.Цветаевой. По мнению автора статьи, Цветаева, переосмысливая известные фразеологизмы, создает «олицетворенный образ Смерти-садовницы»: “...человек – растение (цветок), жизнь человека – поле (вспомним подобное соположение в пословице *Жизнь прожить – не поле перейти*), смерть человеку–растению приносит садовница (олицетворенный образ Смерти), подрезающая “цветам головки” [Дзюба 2000: 394]. В русской “прозаической” картине мира смерть не имеет столь привлекательного облика. Она предстает в качестве активного субъекта, противопоставленного человеку. Человек и смерть противоборствуют, причем победа обычно на стороне смерти. *Смерть* всегда *дожидается, встречает*, она может в любую минуту *прийти, забрать, вырвать из рядов, унести, наступить, выкосить*. Смерть, рассматриваемая как логическое завершение жизни, все чаще замещается смертью-наказанием, к *смерти приговаривают*. Показательными в этом отношении являются строчки из книги Ю.К.Олеши: «*Надо помнить, что смерть – это не наказание, не казнь. У меня развилось как раз такое отношение к смерти: она наказание* (выделено мной – Т.С.). *А может быть, так оно и есть?»* («Ни дня без строчки». М., 1965: 283).

Безусловно, восприятие смерти очень субъективно и зависит от многих факторов: личного жизненного опыта, возраста, осо-

бенностей мировоззрения и пр. Но, тем не менее, есть ряд закономерностей, характерных для большинства людей определенной эпохи.

Динамические процессы в восприятии смерти нашими современниками отразились в РАСе, который, как известно, базируется на ассоциациях студентов. Смерть, по данным респондентов, это *конец жизни, кончина, уход из жизни, финиш*, которая, с одной стороны, ассоциируется с *темной, пустотой, бесконечностью, чернотой, ужасной неизвестностью, холодным чем-то*, а с другой стороны, воспринимается как *мир душе, познание, выход, не конец*. Несмотря на двойственное восприятие смерти, негативных ассоциаций все-таки больше. Это ярко демонстрируют ассоциации-определения: смерть *страшная, глупая, черная, нелепая, тяжелая, жестокая, неизбежная, трагическая, ужасная, холодная, жуткая, коварная, кошмарная, мучительная, подлая, ходячая*. Часть этих определений выражает идею персонификации смерти, приписывая ей те признаки, которые свойственны живому существу: *глупая, коварная, подлая*; другая – содержит в себе эмоциональное восприятие смерти человеком: *страшная, трагическая, жуткая* и пр. Эмоциональное восприятие выражено и ассоциатами-существительными, называющими те эмоции, которые переживает человек: *страх, горе, ужас, грусть, жалость, оцепенение, тоска, тяжесть, шок, опустошение, одиночество*. Эмоциональная реакция неприятия смерти выражена и в ассоциациях: *не нужна, нет, зачем, не люблю, ненавижу, не хочу этого, ничего себе!, потрясла!* Стремление к отчуждению смерти проявилось в реакциях: *не думать, не надо о грустном*. И только две реакции демонстрируют иное отношение к смерти: *не пугает* и *не страшно*. Эти единичные реакции в целом не влияют на общую картину.

Любопытными оказываются данные словаря, вербализующие, если можно так выразиться, субъектов необратимого состояния (смерти). Все реакции в данной сфере можно разделить на две группы. Одна из них отражает социокультурный фон, реакции прецедентны по своей сути, они отражают либо знание литературных источников, либо знание лозунгов и призывов, бытующих в социуме: смерть (кого?) *поэта, героя, негодяя,*

вождя, врага, героев, Тарелкина, Хоакина Мурьеты, Гобсека, еврея, Ивана Ильича, коммуниста, пионера, чиновника; смерть (кому?) фашистам, врагам, захватчикам, предателю, врагу, Сталину. Вторая группа реакций носит личностный характер. Причем, интересным оказывается то, что эти все реакции в оппозиции **свое-чужое** ориентированы на чужое, разделяясь лишь на дальний и ближний круг. К дальнему кругу можно отнести такие ассоциации, как: *человека, старухи, богача, кого-то, легавым от ножа*; к ближнему кругу отнесем ассоциации: *близкого, друга, матери, родных, бабушки, дедушки, дяди, любимого, матушки, подруги, твоя, ваша.* Казалось бы, что эти ассоциации называют людей, которых принято считать своими, но мы склонны вынести эти последние реакции за пределы **своего**, так как они четко противопоставляют восприятие смерти как «не моя». А также сюда относятся реакции, называющие не людей, а живых существ, обитавших среди ближнего круга людей: *попугая, собаки.* Попытка соотнести смерть с собой порождает такие временные реакции, как *впереди, далеко, когда-нибудь,* и даже есть одна реакция, выражающая возможно подсознательное желание избежать смерти: *обмануть.*

Показательным является и изменение в языковом сознании причин смерти. Если христианское понимание смерти включает в себя такой компонент, как естественность, логичность завершения жизни, то среди ассоциаций, зафиксированных словарем, есть только три единичные реакции, соответствующие такому пониманию: *на одре, старость, в глубокой старости.*

Все остальные реакции свидетельствуют о насильственном характере смерти: *в бою, в катастрофе, в результате несчастного случая, на посту, от пожара, от раны, от яда, пуля в лоб.* И, даже в случае ненасильственной, смерть представляется не логическим завершением жизни, а преждевременной, вызванной какими-либо негативными обстоятельствами: *от жажды, от рака.*

Таким образом, смерть в языковом сознании современника выступает как персонифицированная всемогущая сущность, насильственным путем прерывающая жизнь человека и вызывающая негативные эмоциональные реакции; смерть прежде

всего воспринимается как чужая, о собственной смерти стараются не думать.

Для того чтобы убедиться, что такое восприятие характерно для большинства молодых современников, был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Школьникам (14 семиклассникам) было предложено записать ассоциации, которые у них возникают, на слово **смерть**. Обращает внимание на себя тот факт, что большинство реакций (27 из 66) обозначают атрибуты смерти: *кладбище* –5, *покойник*, *труп* –4, *гроб*, *мертвец* – 3, *траур*, *похороны*, *могила* –2, *мертвый*, *церковь* –1. Можно предположить, что объяснение этому заключается во «внешнем» восприятии этого события, в максимальной удаленности понятия *смерть* от респондентов. Косвенным подтверждением этого предположения служит то, что отмечено только три реакции, называющих носителей предикативного признака: *человек*, *бабушка*, *дедушка*. Если первая реакция базируется на общем знании, что человек смертен, то вторая и третья реакции, по видимому, отражают личный опыт.

Второе место по количеству реакций занимают реакции, отражающие эмоциональное восприятие и переживаемое состояние (16 из 66): *страх* –5, *ужас* –2, *горе*, *холод*, *тьма*, *плач*, *слезы*, *чувство вины*, *удар*, *Меня трясет*, *Я больше не увижу этого человека* – 1. Показательным является то, что из всех эмоциональных реакций самой частотной является эмоция страха.

Из реакций, называющих причины смерти (10 из 66), только одна ассоциация с естественной смертью (*старость*), все остальные фиксируют насильственный характер смерти: *метеорит*, *катастрофа*, *убийца*, *убийство*, *гибель*. НОСС отмечает, что «слово «гибель», в отличие от своих синонимов, обозначает не просто конец жизни как таковой, но конец жизни неестественный. Это смерть, которая рассматривается как вызванная исключительно внешними факторами, а потому незакономерная, случайная». В эту же группу правомерно отнести и глаголы *погибать*, *погиб*, так как их лексическое значение, в отличие от глагола *умирать*, указывает на неестественный характер смерти: **гибнуть – подвергаться уничтожению, гибели** (СО). Существительное *кровь* также в первую очередь ассоциируется с насильем, естественная смерть представляется бескровной.

Школьниками *смерть* трактуется как *конец, конец света, конец жизни*. «Оптимистической» реакции, свидетельствующей о признании загробной жизни, в отличие от данных РАСа, нет ни одной. Смерть четко противопоставлена жизни.

Таким образом, можно выделить те компоненты, которые объединяют респондентов РАСа и респондентов свободного ассоциативного эксперимента (школьников): попытка отстранения смерти от собственной личности, насильственный характер смерти, негативная эмоциональная реакция.

Как показывают данные, самой частотной эмоциональной реакцией на смерть среди других негативных реакций является **страх**. Казалось бы, в этом нет ничего удивительного, это обусловлено «высокой психологической значимостью этого понятия для русского человека» [Коновалова 2003: 102], так как «страх считается одной из основных человеческих эмоций – эмоцией, обусловленной биологической природой человека, а не культурой» [Вежбицкая 2001(б): 117]; «страх смерти – один из самых глобальных и вечных страхов человечества, лежащий в основе многих верований и мировых религий» [Щербатых 2000: 76]. Любопытным является другое: все остальные эмоциональные реакции (*жалость, горе, грусть, одиночество, оцепенение, шок, тяжесть, опустошение*) возникают в связи с чужой смертью. *Страх* же – это проекция на собственную смерть. Получается «внешний парадокс»: большинство ассоциаций показывает, что респонденты не соотносят смерть с собой и при этом самой частотной является эмоция страха собственной смерти. Представляется, что этому имеется вполне логичное (и психологическое) объяснение.

Под страхом толковые словари понимают «очень сильный испуг, сильную боязнь; события, вызывающие чувство боязни, ужаса» (СО); «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой» (МАС). Как отмечает Н.И.Коновалова, «элементы дефиниции отражают онтологическую сущность страха как отрицательной эмоции, возникшей в результате опасности, а затем спроецированной в область ожидаемых, воображаемых неприятных событий» [Коновалова 2003: 104]. И в языковом сознании русских, и в психологии страх не одномерен, в психологии существует несколько

классификаций страхов по разным основаниям (более подробно см.: [Щербатых 2000]). Лингвист Ю.Степанов различает «тот» страх и «этот» страх, зафиксированные в русском языковом сознании и русской культуре. По его мнению, «Надежда Мандельштам сформулировала это очень точно: «А тот страх, который сопровождает сочинение стихов, ничего общего со страхом перед тайной полицией не имеет. Когда появляется примитивный страх перед насилием, уничтожением и террором, исчезает другой, таинственный страх перед самим бытием» [Степанов 2001: 874]. Ср. подобные рассуждения А.Вежбицкой в связи с понятием **страх** в немецком языке: “в немецкой интеллектуальной традиции, а также в господствующей немецкой “наивной” психологии в качестве “первозданного” чувства (Urgefuhl) часто рассматривается не страх (или, по-немецки, Furcht), а нечто такое, что немцы называют «Angst» и для чего в английском языке и в большинстве других европейских языков нет эквивалента» [Вежбицкая 2001(б): 117]. Разницу между мотивированным и немотивированным страхом А.Вежбицка показывает, ссылаясь на рассуждения Ратингера: “Когда ребенок должен темной ночью идти один через лес, он боится, даже если ему вполне убедительно доказали, что бояться нечего. В тот момент, когда он совсем одинок в темноте и столь глубоко ощущает свое одиночество, появляется страх, подлинный человеческий страх, не страх перед чем-то, а страх как таковой. Страх перед чем-то определенным, по существу, не может принести вреда, он может быть преодолен, если убрать соответствующий объект. Например, если кто-то боится злой собаки, можно быстро уладить дело, посадив собаку на цепь. Здесь перед нами нечто более глубокое: человек в крайней степени одиночества боится не чего-то конкретного, что можно было бы устранить; он в большей мере чувствует страх одиночества, незащищенности и выставленности напоказ своего собственного существа, который не преодолеть рассудком» [Вежбицкая 2001(б): 55]. Близки к высказанной точке зрения и рассуждения Делюмо: «Конкретные страхи – это “поименованные страхи”.<...> Боязнь, опасение, испуг, ужас в большей мере принадлежат сфере страха (la peur); беспокойство, озабоченность, меланхолия – скорее к тревоге (l’angoisse). Первое связано с чем-то известным, второе – с неизвестным. У

страха есть конкретный объект, с которым человек может столкнуться лицом к лицу. У тревоги такого объекта нет, и она переживается как тягостное ожидание опасности, тем более страшной из-за того, что она с достаточной ясностью не идентифицирована: это ощущение глобальной незащищенности» [Цит. по: Вежбицкая 2001(б): 69].

В русском языке для мотивированного и немотивированного страха нет специальных наименований. О каком же страхе идет речь в связи со смертью? С одной стороны, страх «поименован», он связан с конкретным событием – смертью. Это свидетельствует о мотивированности страха. Но, с другой стороны, смерть неустранима, что ведет к предположению о немотивированности страха. Для объяснения этого противоречия необходимо разобраться, чего же на самом деле боятся респонденты. Так как смерть является логическим, естественным завершением жизни, избежать ее никому не удастся, то, вероятно, не должно быть и страха перед неизбежным. Страх перед смертью не испытывают старые люди, они *ждут смерти, готовят к смерти*. Вероятно, такое отношение к жизни и смерти имел в виду И.И.Мечников, создавая свое учение об ортобиозе – «такой жизни, которая заканчивается здоровой спокойной старостью, а страх смерти исчезает, уступая место чувству пресыщения жизнью и желанию смерти» [цит. по: Щербатых 2000: 77]. Показательным в этом отношении является традиционное языковое сознание, так, по данным Л.Г.Гынгазовой, описываемой ею диалектной языковой личности не свойственно чувство страха перед смертью [Гынгазова 2003]. Представляется, что не вызывает страха именно естественная и, если можно так выразиться, своевременная смерть, являющаяся логическим завершением жизни. Молодые респонденты (студенты и школьники) такую смерть пока не соотносят с собой, она от них удалена на временной оси. Их страх вызван *преждевременным, насильственным* характером смерти; следовательно, страх вызывает не смерть как таковая, а обстоятельства смерти. Для жителей сел и деревень, а также городских жителей преклонного возраста эта причина смерти менее актуальна; для молодых жителей городов, особенно крупных, столичных, экстралингвистические факторы (криминальная ситуация в социуме) актуализируют имен-

но этот аспект в восприятии смерти, тем самым порождая чувство страха, возможно даже бессознательное. Косвенным подтверждением этого тезиса могут служить данные социологических опросов [см.: Щербатых 2000]. Данные социологического опроса 1989 г. по выявлению наиболее актуальных страхов населения нашей страны показывают, что страхи располагаются в следующем порядке (в процентах от числа опрошенных): болезни близких – 60, войны – 48, стихийных бедствий – 42, болезней – 41, старости – 30, произвола властей – 23, боли, мучений – 19, бедности – 17, **собственной смерти** – **15**. Картина актуальных страхов несколько изменилась в 1992 г. Больше всего тогда людей тревожило будущее детей, далее располагалась преступность, анархия, гражданская война, смерть и болезнь близких, потеря работы, бедность, голод, возврат к массовым репрессиям, старость, **собственная смерть**. Собственная смерть по данным и этого социологического опроса не занимает первого места, но показательным является то, что первые места занимают те социальные явления, которые приводят к смерти. Неслучайно, «на вопрос журналиста Караулова: «А вам жить не страшно?» – почетный гражданин Санкт-Петербурга, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев с виноватой улыбкой признался: «Жить не страшно. Страшно в свой подъезд входить...» [цит. по: Щербатых 2000: 9].

Итак, как показали наши наблюдения, словарное значение лексемы **смерть** и воплощение его в языковом сознании молодых современников не совпадают в своем объеме. Личностные смыслы актуализируют периферийные компоненты лексического значения: насильственный характер, преждевременность, негативное эмоциональное восприятие. Особенности восприятия смерти молодыми людьми, зафиксированные в языковом сознании, свидетельствуют об актуальности данного понятия в жизни молодежи, позволяют говорить об определенном видении действительности и объяснить динамические процессы в русской языковой картине мира.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. - М., 2001(а).

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. - М., 2001(б).

Гынгазова Л.Г. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. - Томск, 2003.

Дзюба Е.В. Трансформация фразеологизмов со значением жизни и/или смерти в поэтической речи М.И.Цветаевой // Язык. Система. Личность. - Екатеринбург, 2000.

Коновалова Н.И. Концептуальное поле «страх»: языковое выражение стереотипов сознания// Язык. Система. Личность. - Екатеринбург, 2003.

Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. - М., 2001.

Щербатых Ю. Психология страха. - М., 2000.

Словари

МАС – Словарь русского языка в 4-х томах. – М., 1984.

СД – В.Л. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. – М., 1989.

СО – С.И. Ожегов. Словарь русского языка. –М., 1972.

РАС – Русский ассоциативный словарь /под ред. Караулова. – М., 2002.

УССС – Учебный словарь сочетаемости слов русского языка /под ред. П.Н.Денисова, В.Морковкина. –М., 1978.

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов / под ред. Ю.Д.Апресьяна. –М., 1995.

©Стексова Т.И., 2004